

АНДРЕЙ ВОРОНЦОВ

МЕТОД СОБАКЕВИЧА

О книгах Александра Бушкова

На обложке книги Александра Бушкова “Распутин. Выстрелы из прошлого” (М., “ОЛМА”, 2009) помещена информация, что общий тираж книг этого писателя превысил 30000000 (тридцать миллионов!) экземпляров. Весьма недурно, особенно если учесть, что Бушков считается автором патриотического направления. Например, Шолохов, один из самых издаваемых советских писателей, таких тиражей достиг где-то к концу жизни.

Увы, прочитав “Распутина”, никакой радости я за 30 миллионов экземпляров А. Бушкова не испытал, напротив, испытал сожаление, что погибло столько русского леса (если, конечно, издатели не врут насчет тиражей). Книга Бушкова вроде бы о Григории Распутине, но из 576 страниц издания собственно о Распутине написано лишь... 94 (сс. 323–417). В них автор достаточно убедительно рассуждает о фальсификациях на тему разгульной якобы жизни Распутина. Но это, по существу, статья с кратким эпилогом. О чем же остальной текст книги, если не считать приложений?

“Григория Распутина — как и кое-кого другого — настигли именно выстрелы из прошлого... — пишет Бушков. — А потому мы начнем издавать. От времен Николая I”. В общем, это всё равно, как если бы мы попытались объяснить убийство Павла I проблемами, назревшими в конце царствования Петра I. Но это была бы, конечно, книга не о Павле, а о временах Петра Великого. Так и “Распутин” Бушкова — книга не о Распутине, а о пагубной, по мнению автора, панславистской ориентации России, приведшей к втягиванию России в Первую мировую войну и последующей катастрофе.

Распутин же, появляющийся лишь на 323-й стр. — это лишь некий “глас народный”, он же глас вопиющего в пустыне, пытающийся предотвратить неизбежное. Но с таким же успехом книгу можно было посвятить любому другому известному русскому человеку, придерживающемуся в то время прогерманской ориентации, — а таких было немало. Они упоминаются и в книге Бушкова. Тогда вопрос: почему Распутин? Потому, что имя и неординарная внешность Распутина с портрета на обложке помогут книжку эту быстро и выгодно продать? Других объяснений я не нахожу. Но это — чистой воды плутовство, не знаю уж, авторское или издательское.

Взятая на вооружение Бушковым критическая точка зрения на внешнюю политику царского правительства в 1856–1917 гг. не раз уже высказывалась и имеет право на существование. Но она еще ни разу не формулировалась в столь площадном и даже хамском духе, не исключая и советского времени, когда любая политика царского правительства признавалась негативной. Такое ощущение, что человеку долго зажимали рот, а потом он вырвался и стал, весь красный, брызгая слюной, кричать без умолку об известной якобы ему одному правде, не заботясь о том, что в его крике разумно, а что бредово и невежественно.

Об идее славянского единства “патриот” Бушков пишет, как об “оторванной от жизни теории, выдуманной безответственной интеллигенцией”. То есть, надо

понимать, и Пушкиным в том числе, который написал: “Славянские ль ручьи сольются в русском море? Оно ль иссякнет? вот вопрос”. Ладно, Пушкин – “безответственный интеллигент”. А как быть с чехами и словаками, которые в 1915 году целыми полками, в парадном строю, под музыку оркестров переходили на русскую сторону? Из этих полков и был сформирован под Киевом знаменитый Чехословацкий корпус, вступивший в бой против немцев и австрийцев в июле 1917 года под Зборовом, на Юго-Западном фронте. Можно спорить о роли этого корпуса в истории России, особенно после 1917 года, одного не скажешь – что чехи изменили Францу-Иосифу, чтобы элементарно спасти свои шкуры (а именно это, по мнению Бушкова, побуждало западных славян искать защиты в России). И “злые поляки”, по свидетельству Деникина, хорошо дрались на нашей стороне!

О том, что усилия царской России на “славянском” и “православном” направлениях были вовсе не напрасны, говорят свидетельства таких непредвзятых лиц, как гитлеровский фельдмаршал Эрих фон Манштейн. Он писал: “...еще одним фактором, затруднявшим применение румынских войск на Восточном фронте, было их поразительное уважение к русским. В трудных ситуациях это обязательно приводило к панике. Нельзя не учитывать эту проблему, если речь идет о войне против России с участием народов Юго-Восточной Европы. Что касается болгар и сербов, то их ненадежность усугубляется из-за чувства славянского родства” (“Потерянные победы”). Стало быть, не так уж “оторвана от жизни” теория “славянского единства”!

А вот как отзывается Бушков о западниках и славянофилах: “... в том-то и глубинная суть, что ни те, ни другие в общем не оказали никакого мало-мальски заметного влияния на жизнь страны, на ее политику, экономику, культуру”. И это сказано о творчестве западников Белинского и Тургенева, славянофилов С. Аксакова, Даля, Островского, Григорьева, Тютчева, Языкова и близкого к славянофилам Достоевского? О революционной агитации западника Герцена, исключительную роль которой отмечал еще Ленин (а он знал, что говорил)? О роли славянофилов в отмене крепостного права, которую не отрицали даже в советское время?

Аргументы Бушкова очень похожи на аргументы подданных люмпен-интеллигентов во время дебатов на исторические темы в пивной. У них – “все козлы”, в отличие от пресловутых “пикейных жилетов”, у которых каждый – “голова”. А еще “метод Бушкова” смахивает на отзывы о своих знакомых гоголевского Собакевича.

“Господина Герцена” Бушков считает “не отмеченным, прямо скажем, особенными талантами”. Между тем, даже не разделяя политических взглядов Герцена, он бы мог многому поучиться у этого блестящего мемуариста, в частности, последовательному, не скачущему в разные стороны изложению своей мысли.

Но Бушкова уже понесло. Достается и Чаадаеву, “которого иные восторженные борзописцы и сегодня именуют мыслителем без всяких кавычек”. Надо же! До чего опустились! Ведь мыслитель-то – он, Бушков! Что вы, не знаете разве? Волки позорные...

Поражают геополитические рассуждения Бушкова. Он не видит разницы между контролем над проливами Босфор и Дарданеллы и отсутствием такового: “Разница только в том, что раньше русский флот был заперт в Черном море как в тюремной камере, а при новом раскладе камера всего-навсего немного расширилась – до размеров Средиземного моря, не более того”. Дескать, англичане захлопнут Гибралтар – и всё. С таким же успехом можно рассуждать, что, взломав “гибралтарский замок”, русский флот расширил бы свою “тюремную камеру” всего-навсего до размера Атлантического океана.

Бушков охотно делится с нами такими открытиями: “Община – это, если откровенно, сплошное уродство”. Зато “столыпинские отруба”, видимо, сплошная красота и гармония. То-то царская Россия после “выселения на хутора” просуществовала только 11 лет. Общинная психология – психология державная. “Фермеру”, знаете ли, интересы государства не столь близки, как “общинному уроду”. Этот “столыпинский фермер” на фронте после Февраля 17-го только и думал о том, как без него там делят землю. А знай он, что землей по-прежнему управляет община, то мог бы не беспокоиться: “мир” всё равно поделил бы как надо, а не как кому-то хочется.

Но самое-то смешное в том, что в своем крикливом пафосе Бушков с грохотом ломится в открытую дверь. Какой смысл призывать Россию к внешнеполитическому прагматизму, к отказу от использования в европейской политике

“славянского” и “православного” факторов, если Россия после разрушения системы Варшавского договора и распада СССР волей-неволей вынуждена проводить именно “политику лорда Пальмерстона”, к которой призывает автор сего опуса? Это когда нет ни постоянных друзей, ни постоянных врагов (у нас, впрочем, есть), только постоянные интересы. Весь пар Бушкова ушел в свисток. Разве существуют какие-либо симптомы, что Россия сворачивает с этого пути?

Но, может быть, книга “Распутин. Выстрел из прошлого” – локальная, единичная неудача Бушкова, по которой нельзя судить о его творчестве в целом? Что ж, возьмем другую книгу писателя, вышедшую одновременно с “Распутинным” в том же издательстве “ОЛМА”, – “Екатерина Вторая: алмазная Золушка”. Удивительно, но в ней столько же страниц, сколько и в “Распутине” – 576. Это что – “стандарт Бушкова”? Или, точнее, стандарт “проекта по имени Бушков”, поскольку половина книги написана не им, а другими авторами, современниками Екатерины Великой?

Судя по анонсу на обложке, Бушков поставил себе целью ответить в произведении на следующие вопросы: “Кто она, Екатерина Великая? Немецкая принцесса, с триумфом взошедшая на российский престол и преуспевшая на этом поприще? Собирательница русских земель и угнетательница крестьян? Просвещенная правительница, всеми силами борющаяся со свободомыслием, но при этом тяготившаяся изысками придворной жизни? Или простая женщина, окружившая себя толпой фаворитов, но так и не встретившая своего главного мужчину?”.

Очевидно, Бушков или редакторы издательства предполагают, что эти вопросы противоречат друг другу, а между тем даже при их беглом прочтении особых противоречий здесь не обнаруживается. Возникает только сомнение, что “простая женщина” может окружить себя толпой фаворитов. Я, например, подобных “простых женщин” никогда в жизни не видел. Тут дело даже не в женщинах, а в том, что фавориты не “кучкуются” вокруг “простых”.

Короче, автор на обозначенные вопросы в книге не ответил и, похоже, даже не собирался. Вопросы эти, в сущности, просто пункты некоего плана, который он и разворачивает в своей книге. А поскольку ничего нового он нам о Екатерине Великой сообщить не может, то рассказывает вообще о тогдашней эпохе, расширяя географию повествования на всю Европу. Эта книга ни в коем случае не о Екатерине Второй – она об эпохе Екатерины Второй. В главе первой “Самый причудливый век”, занимающей 77 страниц, наша героиня появляется только в конце: “Родилась однажды девочка...” Рассказывается же о Петре Первом, о князе Борисе Куракине, императрице Анне Иоанновне, Михаиле Ломоносове (точнее о том, как его чуть не забили в прусские рекруты, когда он учился в Марбурге), о писателе Вальтере Скотте, едва не погибшем во младенчестве, и т. д. и т. п. Что ж, в главе, выполняющей, в сущности, функцию введения или предисловия, такой принцип повествования, может быть, и оправдан. Вопрос в другом: оправдан ли он в других главах? А именно такова творческая манера Бушкова – что в “Распутине”, что в “Екатерине” – галопом по Европам. Ну, в данном случае уже не только “по Европам”, но и по российской истории, но без какого-либо серьезного зондажа. Автор быстро прыгает по смежным темам, как водомерка по воде. Пишет об одном, но при упоминании какого-нибудь второстепенного (в данном контексте) лица или события легко переключается на них и преподносит нам очередную боковую сюжет. А об основном – неизменно забывает.

В общем, абсолютно та же картина, что и в “Распутине”.

Я не знаю, какое образование получил Александр Бушков, но, судя по тому, что он “эпистола” называет “эпистоляром”, а Валентина Саввича Пикуля постоянно величает на украинский лад Валентином Савичем (с одним “в” в отчестве), он образован умеренно. Он много читает, но, судя по приведенной библиографии, вдохновляется такими же книгами, какие пишет сам, – С. Баймухаметова, Б. Головкина, А. Исаева, Б. Кагарлицкого, А. и Д. Коцюбинских, П. Кошеля, Р. Пайса, Э. Радзинского... Это история для обывателя, умными книгами раздраженного и их не понимающего. Ему надо, чтобы “разрубили узлы”. Бушков их и разрубает.

Вот он “разрушил” миф о “славянском и православном единстве”, зачем-то использовав для этого Григория Распутина. В чем убедил Бушков обывателя? Что тот не напрасно проводит время с пивом у телевизора? Ведь ничего нет: Распутина убили и спустили под лед, Николая II с семьей расстреляли, Сталин умер, СССР распался, Россия проиграла зимнюю Олимпиаду.

Остались лишь “неизменные интересы”: телевизор, пиво, очередная книга А. Бушкова.